

— Это всё из-за этого негодяя! — Юй Чжанцы, человек элегантный и учтивый, был строг в воспитании сына, в то время как Цинь-ши, его жена, напротив, отличалась резкостью характера, но чрезмерно баловала сына. Это привело к тому, что Юй Сюань, несмотря на внешнюю уверенность и надежность, внутри был слабым и беспомощным. Юй Чжанцы с гневом посмотрел на сына.

— Юй Сюань, скажи мне, разве ты сегодня, находясь рядом с наследником князя Цина, не совершил никакой ошибки?

Юй Сюань больше всего боялся отца, и, видя его гнев, испугался ещё больше, но, полагаясь на присутствие бабушки и матери, упрямо ответил:

— Нет, я не совершил ничего плохого.

— Негодяй, ты всё ещё не говоришь отцу правду! — Юй Чжанцы подошёл ближе, его голос стал ещё строже. — Сегодня, возвращаясь со службы, я случайно встретил наследника, и он выразил своё недовольство твоим поведением, сказав, что ты допустил промахи в словах и поступках, и велел мне хорошенько тебя проучить!

Хотя Юй Чжанцы и был тестем наследника князя Цина, статус Юань Цаня был выше, и дом Юй зависел от дома князя Цина. Поэтому Юань Цань часто говорил прямо, а Юй Чжанцы старался угодить своему зятю, опасаясь вызвать его недовольство.

— Отец, я всего лишь сказал что-то не то, обидев этого странного старика, и зачем же зять так разозлился? — оправдывался Юй Сюань, его обычно гордое и надменное лицо теперь не сохранило и следа прежнего достоинства. — Пусть сестра просто поговорит с наследником, и всё уладится.

— Ты, негодяй! — Юй Чжанцы был в ярости. — Вечно Юй Вань приходится разгребать твои ошибки! Твоя сестра, будучи хозяйкой в доме князя Цина, должна ещё и угождать княгине Цин. Ты думаешь, это так просто? Ты не раскаиваешься в своих ошибках, и сегодня я обязательно накажу тебя...

Юй Сюань снова начал умолять о пощаде, а Цинь-ши, Ли-ши и Юй Вань присоединились к его просьбам. Юй Чжанцы явно больше всего любил свою вторую дочь, и, как только Юй Вань заговорила, её мягкие и разумные слова сразу же смягчили его гнев.

— Ладно, иди в кабинет и занимайся книгами! — Юй Чжанцы бросил на Юй Сюаня сердитый взгляд, затем добавил. — Я устал, матушка, сын пойдёт в свою комнату.

С этими словами он ушёл, не оглянувшись.

Ли-ши поспешно обратилась к Цинь-ши:

— Юэмэй, поспеши позаботиться о нём.

Как только Юй Чжанцы, Цинь-ши и Юй Сюань ушли, Юй Вань с улыбкой посмотрела на Юй Ли. На самом деле она уже давно заметила, что отец игнорирует Юй Ли, но специально не напоминала ему об этом. По какой-то причине она ненавидела этого брата, приехавшего из деревни. Он был незащищен, и, казалось бы, должен был быть ещё менее значимым, чем Юй Цянь, но почему-то она испытывала к нему отвращение. Она ненавидела его красивое, но слишком мягкое лицо и то, как он, несмотря на своё деревенское происхождение, вёл себя более утончённо, чем она сама. Она мечтала изуродовать его лицо и растоптать его!

— Третий брат, отец был слишком занят делами старшего брата и не обратил на тебя внимания. Ты не обижаешься на отца, правда? — На лице Юй Вань, прекрасном, как цветок, появилось выражение заботы, а её голос звучал мягко и мелодично, как пение соловья.

Ли-ши, вспомнив благодаря её словам, что сегодня Юй Ли впервые встретился со своим сыном, и они должны были познакомиться, уже собиралась заговорить, но Юй Ли, с покрасневшими глазами, сказал:

— Как ты могла так подумать? Отец трудится ради дома Юй, и как сын, я не могу не понимать его усилий и обижаться на него. У меня будет ещё много возможностей встретиться с отцом, зачем же спешить?

Ли-ши, хотя он говорил очень великодушно и с пониманием, заметила, что его глаза покраснели, и подумала, что он всё ещё ребёнок. На словах он говорит, что не обижается, но в глубине души, наверное, всё же чувствует себя ущемлённым. С этим чувством вины она обратилась к Юй Ли:

— Ты умный мальчик, Ли-эр. Ты вернулся домой, а бабушка ещё не подарила тебе ничего. Бабушкины вещи предназначены для девочек, и тебе их не подарят, но у твоего деда была чернильница, которой он часто пользовался. Бабушка берегла её и никому не дарила, а сегодня подарит тебе! — С этими словами она повернулась и велела Ду Жо отнести чернильницу во двор Лифэн.

Юй Ли поспешно выразил благодарность.

Юй Вань, стоявшая рядом, сжала платок в руке, но на её лице по-прежнему была улыбка. Юй Цянь, которая всё это время молчала, наблюдала за происходящим.

Ли-ши быстро устала, и младшие члены семьи разошлись по своим комнатам.

— Третий господин, на улице ветрено, наденьте плащ. — Чжисюэ встретил его у двери, помогая надеть плащ, и с улыбкой добавил. — Это Хунчжу напомнила мне, иначе я бы снова забыл.

Юй Ли молча шёл вперёд, опустив голову.

— Третий господин, что случилось? — Чжисюэ шёл рядом, неся фонарь, и, видя его молчание, беспокоился, что он мог огорчиться внутри.

Юй Ли действительно был огорчён, но это огорчение нельзя было выразить. Его покрасневшие глаза были не притворными, а настоящими...

Он думал, что в этой жизни, ведя себя безупречно, сможет изменить свою судьбу, и, возможно, Юй Чжанцы обратит на него внимание. Но на самом деле? Юй Чжанцы даже не взглянул на него! Он был для него таким же, как слуги и служанки — человеком, которого можно было игнорировать. Возможно, он знал, что сегодня его сын вернулся домой, но это не имело для него значения! Его больше всего волновало будущее старшего сына и дома Юй! А больше всего он любил милую внешность и нежный голос младшей дочери!

Да, в прошлой жизни он уже ошибся, надеясь на то, что ему не принадлежало. Почему же в этой жизни он снова надеется на это? Перед тем как приехать, он дал себе слово не повторять прошлых ошибок!

В темноте осенний ветер остужал горячие слёзы на его лице. Он чувствовал, как его сердце

постепенно холодеет, становится всё более чёрствым. Он вытер слёзы с лица и сказал себе:

Это в последний раз, Юй Ли. Если ты снова ошибёшься, ты будешь самым глупым и безнадежным дураком на свете!

Через два дня, наступило пятнадцатое октября. Юй Ли знал, что сегодня придёт императорский указ, поэтому встал рано утром, надел новую одежду, которую прислала старшая госпожа, привёл себя в порядок и отправился в зал Чжушоу к старой госпоже Юй.

Внуки каждый день приходили в зал Чжушоу, чтобы выразить почтение старой госпоже, обычно в час Чэнь, но сегодня Юй Ли пришёл уже в начале часа Мао.

Хунчжу, занятая делами, увидев его, улыбнулась и весело сказала:

— О, третий господин, почему вы так рано пришли? Старая госпожа ещё причёсывается, завтрак ещё не подан!

— Мне нужно поговорить с бабушкой! Это очень важно! — На лице Юй Ли была радость, он выглядел счастливым. — Пожалуйста, Хунчжу, сообщите ей!

Хунчжу не стала медлить и поспешила внутрь, вскоре вернувшись с улыбкой:

— Старая госпожа приглашает третьего господина войти.

— Спасибо, сестра! — Юй Ли поспешно вошёл.

— Бабушка! Бабушка! — С радостным лицом Юй Ли вошёл в комнату и, увидев, что Ли-ши ещё причёсывается перед зеркалом, опустился на колени перед ней. — Поздравляю вас, бабушка!

Старая госпожа Юй была озадачена его поздравлением, но, увидев его в новой одежде, которая делала его гораздо более привлекательным, чем раньше, тоже улыбнулась:

— Рано утром, бабушка, откуда такая радость?

Юй Ли не мог скрыть своего возбуждения:

— Бабушка, прошлой ночью мне приснился сон, в котором три старых бога подарили мне огромный персик и сказали, что в нашем доме будет радость!

Старая госпожа Юй, всегда верящая в буддизм, не сочла его слова странными и спросила:

— Три старых бога?

— Да! — Юй Ли энергично кивнул, стараясь убедить старую госпожу. — Я видел их в храме Гуанмин, и думаю, что это были боги Фу, Лу и Шоу! Я подумал, что мы часто говорим «Пусть счастье будет великим, как Восточное море, а долголетие — высоким, как Южные горы», чтобы пожелать старшим долгой жизни. Теперь боги Фу, Лу и Шоу приснились мне и подарили большой персик. Неужели это значит, что бабушка будет жить сто лет?

Слова Юй Ли были наивными, но кто не хотел бы услышать такие добрые слова? Тем более старая госпожа Юй, верящая в буддизм. Даже если сон не был правдой, как говорится, «днём думаешь, ночью снится», такой сон мог присниться только потому, что Юй Ли часто думал о старой госпоже.

<http://bllate.org/book/16593/1516348>